

Мирово говорим!

Эссе о современных мутациях языка

Ксения Букша — не только обозреватель нашего журнала, но также и писатель, поэтому вопрос языка является для нее насущным. Всем известно, что мы говорим не так, как мы говорим. И даже не так, как мы думаем, что говорим. Автор провел небольшое кабинетное исследование, чтобы понять, можем ли мы друг друга понять. Грани языка, о которых говорится в статье, не обязательно использовать впрямую в рекламе. Но если их не слышать, не будет чувства аудитории и не будет остроты контакта.

Послушайте живой диалог современных русских людей. Не обязательно молодых. Вы услышите в нем все. Там и русский литературный, и унылый канцелярит, и сленг соцсетей (*лайкать, отожгла*), и слова из олдскульной тусовки (*чувак, забить, кайф, прикол*), и бывшая фея (*замочить*), и бывший мат (*подъебка*), и англицизмы (*трэш, фан, фрик*), и компьютерное (*вырубился*), и гопницкое (*на районе*), и наркоманское (*вштирило*), и хз какое еще! Слова берутся сра-

зу отовсюду, но разными людьми в разных пропорциях, которые к тому же все время меняются. Такой диалог невозможно сымитировать. Попытки сознательно «наливать из разных баночек» будут выглядеть искусственно, да к тому же такой сконструированный диалог выйдет, как ни странно, серым, стертым, безжизненным. Стратификация нашего общества, его причудливое прослаивание, его многоукладность дошли до такой степени изошренности и эти оттенки так быстро меняются, что писателю, журналисту, копирайтеру остается лишь подслушивать реальные фразы конкретных людей, да еще говорить от своего лица, но спонтанно и искренне, не имея в виду никакого определенного стиля или впечатления.

При этом кое-какие краски все же существуют. Некоторых лучше избегать. А некоторые, будучи *по уму* добавлены в текст, могут его оживить и разнообразить.

Чтобы закончить за здоровье, начнем за упокой.

Гоп-компания

Недавно меня пригласили в большое жюри премии «Национальный бестселлер». По долгу службы я прочла примерно десятков шесть книг и рукописей современных писателей. Примерно в двух или трех из них мне не попались гопники. В остальных книгах они присутствовали.

Как говорит гопник? Не претендую на точное знание, но американцев он непременно называет *пиндосами*. В середину фразы вставляет всевозможные энергичные слова-паразиты, которые на эмоциях фразу, сука, подхлестывают, а без эмоций — делают еще более *тупо уебищной*. «Очень люблю» в его исполнении — «*пиздец люблю*», именно так. Вообще бросается в глаза то, что его мир переполнен негативом, полным отсутствием терпимости, толерантности, какого бы то ни было конструктива. Гопницкий жаргон оскорбляет, он пришел из мира насилия, причем не жестко узаконенного, как в блатной фене, а унылого, бытового, привычного (*чо-каво?*) — и оттого едва ли не более страшного. *Гандон, пидор, забить болт, отымел, уделал...* и перечислять-то *в падлу*. Тем не менее мы должны знать, что *на районе* пластиковую бутылку пива на полтора литра пацаны называют *сиська*, и что если не по делу *быковать*, то может получиться *махач* (драка то есть). Гопников не так уж много, у нас гораздо больше «людей хороших», как в песне поется, но жаргон давно адаптирован. Умешь говорить по-пацански — будет тебе *респект* и *уважуха*. Респект, *бро*.

Бывший мат

Не дадим пуристам себя *наебать*. Разумеется, никто не призывает употреблять в публичном пространстве неразбавленный мат в его прямом древнем значении. Однако на сегодня в языке живет множество слов с исходно матерными корнями, которые от своих корней напрочь оторвались. И их используют не только «люди низкой культуры речи». Молодежь говорит так почти поголовно, люди постарше — один из трех-четырех, самые социально адаптированные, общительные и, вот парадокс, нередко интеллигентные. Чем плохо слово *спиздить*, когда надо сказать сильнее, чем *украсть*? Конечно, можно и *потырить*, но, согласитесь, не то. Как сказать «мне плохо» или там «я тоскую», чтобы прозвучало не пафосно, чтобы и страдания обозначить, и собеседника не напрячь? *Хуево* мне что-то. Или вот, например, *ебнутый* — безбашенный, *ебанись!* — эмоциональное восклицание вроде «с ума сойти!», а *в ебнях* = у черта на рогах. Ну и где тут мат?!

В уместном контексте такие слова не режут глаз, не царапают слух, не выглядят ни неряшливо, ни грубо. Гораздо хуже режут и царапают слабенькие эвфемизмы вроде *звездануть* или *мля*, кокетливые игры с точками-звездочками или «пи-и» в эфире. Тоже мне, сакральная тайна. Мы идем проторенной дорогой европейских наций, где мат давным-давно потерял забористую крепость проклятия и вошел в язык энергичной нотой: *fuck! Fucking shit!*

Пипл хэв ит

Интернациональный инглиш проник в наш язык вместе с музыкой еще в семидесятых. А потом в восьмидесятых еще раз проник, с джинсами, жвачками и куклами Барби. А потом в девяностые хлынул инвестициями, менеджерами и фьючерсами, патчами и клатчами. Посыпался в двухтысячные, как сор из дырявого мешка, фрилансом и дауншифтингом, а там, глядишь, гот и эмо, кул и фан, трэш и фэйк, толлинг, петтинг и шоплифтинг, и *залайка*ть на «Фейсбуке». Везде он: мода и наука, быт и высокие технологии, социальные сети и бюрократия (*саммит*). Никуда не деться. Прятаться бессмысленно. Пародировать не смешно. Как с ним обращаться, непонятно. Вот Пушкин, тот умел, наверное. «Люблю я очень это слово, но не могу перевести. Оно у нас покамест ново, и вряд ли быть ему в чести. Оно б годилось в эпиграмме...» — эпиграмму, однако, умничка, не стал писать, вместо этого поместил слово (*vulgar*, вульгарный) в максимально уместный контекст, так сказать, осознал его необходимость и пустил в язык — гуляй.

Вообще же настоящий, *on top*, современный инглиш, с его сокращениями, эмоциональной нейтральностью, очевидной современностью и скоростью (причем письменная скорость, спасибо чатам, Twitter и Skype, равна устной: u2 вместо you too и т. д.), — почти идеальный язык рекламы. Многие это уже поняли, например магазин молодежной одежды *rip12rip1* — название просто *супер*. И пусть не всякий поймет, когда увидит фразу: «Ололо! *Копипа-*

ста про паттерны!», но все *жж-юзеры* знают, что *OMG* — это *Oh My God*, *имхо* — это *In My Humble Opinion* («по моему скромному мнению»), а *лытдыбр* получился, когда кто-то забыл переключить регистр и набрал по-английски слово «дневник» (*lytdybr*), и с тех пор означает записи не о политике или литературе, а просто о том, как вчера с детьми в зоопарке был.

«Падонки»

Увы, падонки — перевернутая страница в истории русского Интернета. Кто помнит все эти *гламурное кисо*, *креведко*, *превед-медвед*, *в Бобруйск*, *жсывное* или сакраментальное *аффттар*, *вытей йаду*? Падонки — вроде как бы гопники, но ряженные, клоунские, стилизованные и оттого прекрасные. Отдельные номера еще попадают в языке сетевых дискуссий. Осталась прикольная манера менять женский род на средний: *йа блондинко*, *непроходимое дура*, *вот сцучко* — так все еще говорят, а может, будут говорить еще долго. Остался прием убийственной иронии в письменном языке — сделать все глухие согласные звонкими (*типо*, *празднэг*), пренебречь орфографией ради эмоции. Да-да, падонки ушли, но дело их не пропало! Они открыли новый способ выражать чувства, не прибегая к их наименованию, всобачивать интонацию между буквами. Вот эта претензия к современному быстрописьменному: «Я не вижу, с каким лицом ты это пишешь» — уходит, если сделать стиль общения соответствующим медиа. Кстати, смайлы... но мы о языке.

Молодежный сленг

Под этим жеманно-старорежимным словосочетанием я объединю все слова, этимология которых для меня неясна. Кто привнес их в язык? Наркоманы, футбольные болельщики, старый рок-н-ролл, блатота, технари-компьютерщики? Неважно. Без балды (то есть я серьезно): ими говорят. Причем, как я уже заметила выше, далеко не только молодежь. Пропорция этих откуда ни возьмись прилетевших слов в языке зависит вовсе не от тусовочности человека, а, скорее, от его темперамента. Потому сленг и молодежный: бойкий он, борзый, эмоциональный, неравнодушный. Вы помните, когда вас последний раз *вишьрило*? Если сегодня, то, будьте уверены, вы молоды, даже если и не говорите вместо «день рождения» *днюха*, а вместо «мороз» — *дубак*. Некоторые слова уже стали совершенно полноправными: *тормозить*, например, или *шиза*. Короче, *поздняк метаться*, даже реклама давным-давно их использует. Все *намана*. Можно *забить*.

Но именно для рекламистов в молодежном сленге кроется одна *засада*. Дело в том, что в рекламе такие слова, как правило, смотрятся *не фонтан*. Потому что используют их по идейным соображениям: быть ближе к народу. *Пипец*, *чувак*. Или подслушивай лучше (а это большой гемор, неосуществимый в рамках рекламного агентства), или уж тогда совсем не надо, *фальшак всех плющит*. Другая *подляна* кроется в том, что живые, искренние эмоции в рекламе редкость. А ведь недостаточно сказать *жесть* или *ахтунг*, чтобы все сразу сели *на измену* (испугались), или призвать *отжечь не по-детски*, чтобы стало весело. Вот и выходит, что мы *гоним*, *лечим* потребителя, попусту *трывдим*. Получается *голимый отстой*. Лучше уж не *грузиться*, что мы такие далекие от народа *ботаны*, но

не позволять себе *впаривать* ему *липу*. Мы, в конце концов, не Ростопчин на пожаре Москвы.

Не крылатые, но выразительные

Вот одна моя знакомая любит ругаться так: *Евпатий Коловрат!* Откуда она это *надьбала*, я не знаю, но теперь тоже иногда позволяю себе его помянуть. Другое слово я вычитала в книжке Фадеева «Разгром»: «*Агромятущая сила гапонців біля школы!*» — произносится с мягким «гэ», по-украински. Я понятия не имею, как можно *впендюрить* такие вещи в готовый текст, но согласитесь, соблазн есть. Или вот еще, я говорю вслед за своими родственниками *расштарыга*, это, в общем, такая штука... например, стремянка или там сушилка для белья, в общем, все, что стоит и торчит во все стороны, как бы это вам объяснить... *расштарыга*, в общем. Я еще много слов таких говорю, но не всегда знаю, общепотребительные ли они, и поэтому с ходу, специально, вспоминая их не буду. Но они есть, и нередко собеседника *клинит*: ха-ха, это по-каковски? Нередко слова эти диалектные, местные, или архаичные, или специализированные профессиональные, а то и вовсе семейные, междусобойные. «Когда я был маленький, я думал, что «Три мушкетера» — это «Тримушки тера», — писал Веллер. Да-да, и я тоже пела «Любимый город, синий дым Китая». Вот этого добра, какого-то фамильярного, теплого обращения с языком, очень много было в частных письмах дореволюционной интеллигенции. Далеко не все из этого можно и нужно вытаскивать в публичное пространство. И уж подавно не стоит ничего специально выдумывать. Лучше поискать. Вот, скажем, станция *Тикопись*... ®